

A surreal desert landscape. A man in a brown coat walks away from the viewer on a two-lane road that stretches into the distance. The road is flanked by arid, rocky terrain with sparse desert vegetation. On either side of the road, there are utility poles with cross-arms. In the far distance, a city with tall buildings is visible through a hazy, blue-tinted atmosphere. The sky is a vibrant blue, filled with large, white, puffy clouds that appear to be stacked or layered, creating a sense of depth and otherworldliness. The overall mood is one of mystery and exploration.

Александр Восьмой

**УЖАСЫ Дорога в пустыни
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой

**УЖАСЫ Дорога в
пустыни (Даффи Толстяк)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

УЖАСЫ Дорога в пустыни (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Пустыня безмолвна, дорога бесконечна, а небо хранит зловещую тайну. После падения комет привычная трасса превращается в арену кошмара: светофоры и дорожные знаки обретают плоть, искажаются в жутких тварей и начинают охоту на одинокого путника. Каждый шаг по раскалённому асфальту — борьба за жизнь, каждый взгляд по сторонам — встреча с первобытным ужасом. Герой отчаянно ищет выход, но пустыня не прощает ошибок, а дорога будто сама ведёт его в западню. Мимолётное спасение оборачивается новой ловушкой, а истина оказывается страшнее любых кошмаров. «Бетонная артерия» не просто путь — это живая ловушка, пожирающая тех, кто осмелился ступить на её полотно. Сможет ли герой вырваться из этого ада — или станет ещё одной жертвой проклятой трассы? Погрузитесь в мир, где обыденность становится источником ужаса, а каждый дорожный знак — предвестником гибели.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

УЖАСЫ Дорога в пустыни (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Бетонная артерия пустыни»

Он не помнил, как здесь оказался. Не помнил ни дороги сюда, ни лица, которое видел последним, ни даже собственного имени — только тягучее, липкое чувство, будто его выдернули из сна и бросили в этот чужой, выжженный мир.

Бетонная дорога пересекала пустыню, как хирургический разрез — ровный, безжалостный, неестественно прямой. Она не огибала ни холмов, ни каменных россыпей, не прислушивалась к ритму земли: она просто шла вперёд, будто сама пустыня была вынуждена расступиться перед её холодной геометрией. По обе стороны тянулись барханы, покрытые коркой соли, похожей на застывшие слёзы.

Раскалённый воздух дрожал над асфальтом, искажая горизонт. Казалось, что впереди, за очередной волной марева, прячется оазис — но стоило подойти ближе, и мираж рассыпался, оставляя лишь сухую пустоту. Герой шагал, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в висках, а язык прилипает к нёбу. Жажда терзала его, как голодный зверь, скребущийся изнутри.

Солнце висело в небе раскалённым медным диском, безжалостно выжигая все краски. Тени были короткими и резкими, будто вырезанными ножницами. Вдоль дороги, через каждые сто метров, стояли светофоры и дорожные знаки — нелепые, чужеродные, словно забытые декорации после съёмок фильма о городе, которого никогда не существовало. Они выглядели так, будто их поставили здесь не для того, чтобы направлять, а чтобы напоминать: когда-то здесь была жизнь. Теперь же они стояли в тишине, неподвижные и пустые.

К вечеру небо начало меняться. Сначала это были лишь едва уловимые перемены: багровый закат медленно тускнел, уступая место чернильной темноте. Но потом в вышине вспыхнули первые огни.

Кометы.

Они падали с неба, оставляя за собой светящиеся шлейфы, будто кто-то швырял в пустоту раскалённые копыя. Их было много — десятки, сотни. Они проносились по небосводу, вспыхивали и гасли, и каждый раз, когда очередная комета исчезала за горизонтом, в воздухе повисало едва уловимое эхо — не звук, а скорее вибрация, проникающая под кожу.

Герой замер, заворожённый этим зрелищем. В нём было что-то величественное и одновременно пугающее — как будто сама вселенная подавала знак, но смысл этого знака оставался непостижимым. Он смотрел вверх, пока не потемнело в глазах, а когда опустил взгляд, пустыня уже погрузилась во мрак.

Ночь накрыла дорогу тяжёлым одеялом тишины. Ни ветра, ни шороха, ни крика ночной птицы — только глухой, давящий покой, от которого хотелось кричать. Герой устроился у основания одного из светофоров, прислонившись спиной к холодному металлу. Он пытался уснуть, но каждый раз, закрывая глаза, видел перед собой падающие кометы, их огненные хвосты, извивающиеся, как живые существа.

И тогда он услышал первый звук.

Тихий, едва уловимый скрежет.

Сначала он подумал, что это ветер — но ветра не было. Потом решил, что ему показалось. Но звук повторился — ближе, отчётливее. Это был не просто скрежет, а будто кто-то водил когтем по металлу, пробуя его на прочность.

Герой медленно повернул голову.

Светофор, у которого он сидел, шевельнулся.

Не просто качнулся от ветра — а именно шевельнулся, как живое существо. Его корпус слегка изогнулся, будто металл вдруг стал мягким, податливым. Красный сигнал моргнул — не ритмично, как положено, а хаотично, будто в пароксизме. И из динамика, который должен был издавать только тишину, донёлся низкий, утробный звук, похожий на рычание.

Сердце героя замерло, а потом забилося с бешеной скоростью. Он отполз назад, не отрывая взгляда от светофора. Тот медленно поворачивался, его корпус деформировался, края становились неровными, будто металл плавился и перестраивался. Из него проступали очертания — не человеческие, но пугающе знакомые: вытянутые конечности, изогнутые под неестественными углами, голова, лишённая черт, но всё равно смотрящая прямо на него.

Это было невозможно. Это было безумием. Но это происходило.

Светофор обретал плоть.

Герой вскочил на ноги и бросился бежать, не разбирая дороги. За спиной раздался скрежет — громкий, пронзительный, будто металл рвали на части. Он не оглядывался, но чувствовал, как за ним что-то движется — тяжёлое, неуклюжее, но неумолимое.

Пустыня вокруг казалась теперь не безжизненной, а враждебной, будто сама земля затаила дыхание, наблюдая за этой погоней. Знаки вдоль дороги тоже шевелились — их поверхности пузырились, края изгибались, и из них проступали новые формы, искажённые, жуткие. Они тянули к нему свои металлические конечности, их поверхности скрипели и стонали, словно испытывая боль от превращения.

Он бежал, пока не почувствовал, что лёгкие вот-вот разорвутся. Пот заливал глаза, смешиваясь с пылью, превращаясь в грязную маску. И вдруг впереди, на горизонте, мелькнул свет.

Фары.

Машина.

Она мчалась по дороге, разрезая темноту двумя яркими лучами. Герой закричал, замахал руками, хотя понимал, что его вряд ли можно разглядеть в этой тьме. Но машина не проехала мимо — она резко затормозила, подняв облако пыли. Дверь распахнулась, и чей-то голос — хриплый, но человеческий — крикнул:

— Садись! Быстро!

Герой бросился к машине, чувствуя, как за спиной что-то огромное врежется в асфальт, как скрежет металл о бетон. Он запрыгнул внутрь, дверь захлопнулась, и машина рванула с места, унося его прочь от этого кошмара.

Только когда пустыня осталась позади, а свет фар растворился в темноте, герой наконец смог выдохнуть. Но когда он повернулся к водителю, тот посмотрел на него пустыми, ничего не выражающими глазами и тихо произнёс:

— Ты думаешь, ты спасён?

И в этот момент герой понял: самое страшное ещё впереди.

Глава 2. «Танец падающих звёзд»

Ночь над пустыней опускалась не постепенно, а обрушивалась — резко, тяжело, как чёрный занавес, отрезающий героя от всего, что он когда-либо знал. Солнце, будто устав от собственной ярости, скатилось за горизонт, оставив после себя лишь багровый шрам, который быстро тускнел, растворяясь в надвигающейся тьме.

Герой остановился, тяжело дыша. Каждый вдох обжигал лёгкие, а пересохшее горло сжималось в спазме. Он провёл языком по потрескавшимся губам и с тоской посмотрел вперёд — туда, где дорога, прямая и безжалостная, уходила в темноту, словно пытаясь дотянуться до края мира.

Жажда мучила его, но усталость была сильнее. Он присел на край бетонной обочины, опершись локтями о колени. Вокруг стояла тишина — не та уютная, что бывает в спокойных

местах, а давящая, зловещая тишина, в которой каждый шорох казался предвестником беды. Даже ветер, обычно гулявший по пустыне, стих, будто затаился в ожидании чего-то.

И тогда небо взорвалось.

Сначала это была всего лишь одна искра — крошечная точка, вспыхнувшая высоко в небе и тут же исчезнувшая. Герой моргнул, решив, что ему померещилось. Но следом за первой появилась вторая, третья, а потом они посыпались, как раскалённые угли из опрокинутого костра.

Кометы.

Они падали по всему небосводу, оставляя за собой длинные светящиеся хвосты, которые на мгновение разрезали тьму, обнажая её глубину. Их было так много, что казалось, будто сама вселенная горит. Они не падали бесшумно — нет, каждый их полёт сопровождался низким, едва уловимым гулом, который проникал под кожу, заставляя сердце биться чаще.

Герой поднялся на ноги, заворожённый этим зрелищем. Он стоял, запрокинув голову, и смотрел, как огненные стрелы пронзают небо, исчезая где-то за горизонтом. В этом было что-то величественное, почти божественное — и в то же время что-то пугающе неправильное. Как будто сама природа нарушила свои законы, и теперь мир балансировал на грани катастрофы.

Он не мог оторвать взгляд от неба, пока не почувствовал, как воздух вокруг него изменился. Он стал тяжелее, гуще, словно пропитался электричеством. Волосы на затылке встали дыбом, а по спине пробежал холодок, несмотря на то что жара ещё не ушла из пустыни.

И вдруг он понял: эти огни — не просто метеоритный дождь. Это знак. Предвестник чего-то ужасного.

Когда последняя комета исчезла за горизонтом, небо на мгновение стало абсолютно чёрным — таким чёрным, что казалось, будто оно поглощает даже свет звёзд. А потом тьма начала рассеиваться, уступая место предрассветным сумеркам.

Рассвет пришёл не мягко, а резко, будто кто-то дёрнул невидимый рычаг. Пустыня, ещё минуту назад погружённая во мрак, вдруг вспыхнула в первых лучах солнца, и герой зажмурился от внезапного света. Когда он снова открыл глаза, мир вокруг него уже не был прежним.

Дорога, по которой он шёл, теперь казалась чужой, враждебной. Светофоры и дорожные знаки, стоявшие вдоль трассы, выглядели иначе. Их поверхности, ещё вчера просто покрытые облупившейся краской, теперь казались неровными, будто под металлом что-то шевелилось. Один из знаков — «Уступи дорогу» — слегка покачивался, хотя ветра не было. Другой — «Ограничение скорости» — будто изогнулся, его края стали неровными, словно металл размягчился и поплыл.

Герой замер, не в силах поверить своим глазам. Он хотел убедить себя, что это просто игра света, обман зрения из-за усталости и жажды. Но когда он подошёл ближе к одному из светофоров, тот вдруг дёрнулся, как живое существо, пытающееся сбросить оцепенение. Красный сигнал моргнул — не ритмично, а хаотично, будто в пароксизме. Из динамика, который должен был молчать, донёсся тихий, едва уловимый звук — не сигнал, а скорее шёпот, низкий и утробный.

По коже героя побежали мурашки. Он попятился назад, не отрывая взгляда от светофора. Тот медленно поворачивался, его корпус деформировался, края становились неровными, будто металл плавился и перестраивался. Из него проступали очертания — не человеческие, но пугающе знакомые: вытянутые конечности, изогнутые под неестественными углами, голова, лишённая черт, но всё равно смотрящая прямо на него.

Это было невозможно. Это было безумием. Но это происходило.

Светофор обрел плоть.

Герой развернулся и бросился бежать, не разбирая дороги. За спиной раздался скрежет — громкий, пронзительный, будто металл рвали на части. Он не оглядывался, но чувствовал, как за ним что-то движется — тяжёлое, неуклюжее, но неумолимое.

Пустыня вокруг казалась теперь не безжизненной, а враждебной, будто сама земля затаила дыхание, наблюдая за этой погоней. Знаки вдоль дороги тоже шевелились — их поверхности пузырились, края изгибались, и из них проступали новые формы, искажённые, жуткие. Они тянули к нему свои металлические конечности, их поверхности скрипели и стонали, словно испытывая боль от превращения.

Он бежал, пока не почувствовал, что лёгкие вот-вот разорвутся. Пот заливал глаза, смешиваясь с пылью, превращаясь в грязную маску. И вдруг впереди, на горизонте, мелькнул свет.

Фары.

Машина.

Она мчалась по дороге, разрезая темноту двумя яркими лучами. Герой закричал, замахал руками, хотя понимал, что его вряд ли можно разглядеть в этой тьме. Но машина не проехала мимо — она резко затормозила, подняв облако пыли. Дверь распахнулась, и чей-то голос — хриплый, но человеческий — крикнул:

— Садись! Быстро!

Герой бросился к машине, чувствуя, как за спиной что-то огромное врежется в асфальт, как скрежет металл о бетон. Он запрыгнул внутрь, дверь захлопнулась, и машина рванула с места, унося его прочь от этого кошмара.

Только когда пустыня осталась позади, а свет фар растворился в темноте, герой наконец смог выдохнуть. Он обессиленно откинулся на сиденье, закрыв глаза. Но когда он повернулся к водителю, тот посмотрел на него пустыми, ничего не выражающими глазами и тихо произнёс:

— Думаешь, ты спасся? Эти огни были не просто кометой. Они открыли дверь. И теперь оно идёт за тобой.

В этот момент герой понял: самое страшное ещё впереди.

Глава 3. «Рассвет без надежды»

Рассвет не пришёл — он ворвался.

Не мягко, не постепенно, а яростно, будто кто-то сорвал с мира тёмное покрывало и швырнул в лицо герою раскалённое солнце. Первые лучи ударили по пустыне с такой силой, что песок вспыхнул, словно был усыпан мириадами крошечных зеркал. Герой, до этого сжавшийся в комок в узкой тени дорожного отбойника, невольно зажмурился, но даже сквозь сомкнутые веки он видел багровые всполохи, будто внутри черепа разгорался пожар.

Он не спал этой ночью. После того как машина с тем странным водителем растворилась в темноте, оставив его одного на обочине — без объяснений, без слов, просто вытолкнув наружу с тихим: «Дальше сам», — он так и не смог сомкнуть глаз. Страх гнал сон прочь, а тишина пустыни давила на уши, становясь почти осязаемой.

Теперь же, с первыми лучами, тишина сменилась другим звуком — сухим, злым шелестом ветра, который нёс с собой песок, царапающий кожу, как мелкий наждак. Ветер не приносил прохлады — он был горячим, как дыхание из печи, и обжигал каждую трещинку на пересохших губах.

Герой поднялся, чувствуя, как каждая мышца протестует против этого движения. Его одежда, ещё вчера просто пыльная, теперь казалась частью его кожи — прилипшая, жёсткая, пропитанная солью от высохшего пота. Он огляделся, и от того, что увидел, по спине пробежал холодок, не имевший ничего общего с прохладой.

Пустыня была безжизненной — но не спокойной. В её безмолвии чувствовалось напряжение, как в воздухе перед грозой. Барханы, покрытые коркой соли, выглядели как застывшие волны, навеки замёрзшие в крике. Горизонт дрожал от жара, и миражи то появлялись, то исчезали, дразня надеждой на воду, которая тут же рассыпалась в пыль.

Дорога, прямая и безжалостная, тянулась вперёд, будто издеваясь над его усталостью. Она не предлагала выбора, не давала ответвлений — только вперёд, в палящее ничто. И вдоль неё, через каждые сто метров, стояли они — светофоры и дорожные знаки.

Их было слишком много. Слишком. В этой мёртвой пустоте, где не было ни машин, ни пешеходов, ни намёка на цивилизацию, эти металлические стражи выглядели нелепо, чужеродно — как забытые реликвии давно рухнувшего мира. Они стояли, покрытые слоем пыли и ржавчины, их краски выцвели до блёклых, болезненных оттенков. Но теперь, при дневном свете, герой заметил кое-что ещё.

Знаки были... не такими, как раньше.

Вчера они казались просто старыми, заброшенными. Сегодня же в их очертаниях чувствовалась какая-то неправильность. Край одного из знаков — «Опасный поворот» — выглядели неровными, будто металл был мягким и его кто-то мял руками. Другой знак — «Пешеходный переход» — слегка наклонился, хотя бетонный столб, на котором он держался, стоял ровно. А светофор... светофор напротив него будто смотрел на него.

Нет, это было невозможно. Светофоры не смотрят. Но красный сигнал, который должен был просто висеть мёртвым кругом, казался теперь похожим на глаз — налитый кровью, неподвижный, но внимательный.

Герой сглотнул, хотя во рту не было слюны. Он сделал шаг вперёд, потом ещё один, стараясь не смотреть на знаки, но чувствуя их взгляды на себе. Каждый его шаг отдавался в висках, а солнце, поднявшееся выше, начинало жечь уже не только кожу, но и мысли, выжигая из них всё, кроме одной: нужно идти. Нужно найти хоть что-то — воду, тень, укрытие. Хоть что-нибудь.

Ветер вдруг стих — резко, как будто кто-то выключил звук. Пустыня замерла. Даже песок перестал шелестеть. И в этой внезапной тишине раздался звук, от которого кровь в жилах героя превратилась в лёд.

Скрежет.

Тихий, едва уловимый, но безошибочно узнаваемый — будто металл тёрся о металл, пробуя его на прочность. Звук шёл от одного из светофоров. Герой медленно повернул голову.

Светофор шевелился.

Не качался на ветру — а именно шевелился, как живое существо, сбрасывающее с себя оцепенение. Его корпус слегка изогнулся, края стали неровными, словно металл размягчился и поплыл. Красный сигнал моргнул — не ритмично, как положено, а хаотично, будто в пароксизме. И из динамика, который должен был молчать, донёсся тихий, утробный звук — не сигнал, а скорее шёпот, низкий и зловещий, будто кто-то пытался заговорить на языке, забытом ещё до рождения мира.

Герой попятился, не отрывая взгляда от светофора. Тот медленно поворачивался, его корпус деформировался, края становились неровными, будто металл плавился и перестраивался. Из него проступали очертания — не человеческие, но пугающе знакомые: вытянутые конечности, изогнутые под неестественными углами, голова, лишённая черт, но всё равно смотрящая прямо на него.

Это было невозможно. Это было безумием. Но это происходило.

И тогда герой побежал.

Он мчался по дороге, не разбирая пути, чувствуя, как солнце обжигает затылок, а каждый вдох режет лёгкие, как стекло. За спиной раздался скрежет — громче, пронзительнее, будто металл рвали на части. Он не оглядывался, но чувствовал, как за ним что-то движется — тяжёлое, неуклюжее, но неумолимое.

По обе стороны дороги знаки тоже оживали. Их поверхности пузырились, края изгибались, и из них проступали новые формы, искажённые, жуткие. Они тянули к нему свои металлические конечности, их поверхности скрипели и стонали, словно испытывая боль от превра-

щения. Один из знаков — «Главная дорога» — вдруг сорвался с креплений и с грохотом рухнул на асфальт, преграждая путь. Герой перепрыгнул через него, едва не потеряв равновесие, и помчался дальше, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Пустыня вокруг казалась теперь не безжизненной, а враждебной, будто сама земля затаила дыхание, наблюдая за этой погоней. Даже солнце, казалось, светило ярче, подталкивая его вперёд, к неизбежному.

И вдруг впереди, на горизонте, мелькнул свет.

Фары.

Машина.

Она мчалась по дороге, разрезая пустоту двумя яркими лучами. Герой закричал, замахал руками, хотя понимал, что его вряд ли можно разглядеть в этой пыли и жаре. Но машина не проехала мимо — она резко затормозила, подняв облако песка. Дверь распахнулась, и чей-то голос — хриплый, но человеческий — крикнул:

— Садись! Быстро!

Герой бросился к машине, чувствуя, как за спиной что-то огромное врезается в асфальт, как скрежест металл о бетон. Он запрыгнул внутрь, дверь захлопнулась, и машина рванула с места, унося его прочь от этого кошмара.

Только когда пустыня осталась позади, а свет фар растворился в дрожащем мареве, герой наконец смог выдохнуть. Он обессиленно откинулся на сиденье, закрыв глаза. Пот заливал лицо, смешиваясь с пылью, превращаясь в грязную маску.

Когда он повернулся к водителю — молодому парню с испуганными глазами и дрожащими руками, — тот бросил на него короткий взгляд и тихо произнёс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.